

ЕЛЕНА ШТОРМ

МОЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ

Москва
2021

Глава 1

— **Т**вой заказ, детка. Дракониий пунш и гренки с базиликом. Может, хочешь чего-нибудь еще?

Мускулистый официант, голый по пояс и сверкающий накачанным торсом, смотрит на меня почти с тревогой. Взгляд его явно пытается соотнести хрупкую девушку в моем лице и кружку бурлящей зеленой жижи, которую он передо мной поставил. У парня смуглая кожа, раскосые глаза и из одежды — лишь штаны в восточном стиле с золотистой каймой.

— Нет, спасибо, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Все отлично.

Бар «У дракона на рогах» кипит и бурлит. Зал забит почти до отказа. За соседними столами шумят компании, но я ни на кого не смотрю — и никто не обращает внимания на одинокую студентку.

— Уверена? — Только официант продолжает с сомнением рассматривать пунш.

Отделяюсь от него еще парой фраз. Обычно я не хожу сюда. Обычно я вовсе не отправляюсь напрямую из академии в одно из самых значных мест Пиарта, не сажусь одиноко за стол и не собираюсь влить в свое девичье тельце хоть что-нибудь крепче

морковного сока или разбавленного пива на худой конец.

Но сегодня — особый день.

Сегодня мои мечты об идеальном парне, о светлом будущем и о наличии в мире такой штуки, как любовь, разбились вместе с моим сердцем вдребезги.

Мучительная, горькая и нелепая сцена еще стоит перед глазами. Я выхожу из кабинета профессора Луграса, у которого решила взять тему для реферата в последний день летних каникул. Иду в общий холл — туда, где вывесили расписание на предпоследний семестр. Но раньше расписания мой взгляд выхватывает зрелище получше. Альнар Тео. Мой друг и, возможно, единственный нормальный парень Первой Академии стоит в коридоре, убирая какие-то бумаги в наплечную сумку. Невольно люблюсь им: как всегда белая рубашка навывпуск, слегка взъерошенные ореховые волосы, широкие плечи, крепкие руки. Удивительно даже, что рядом не вьется кто-нибудь из его поклонниц.

— Альнар! — улыбаюсь я, подходя ближе. — Не знала, что ты тут. Тоже пришел узнать расписание?

Его сосредоточенный взгляд теплеет, когда он поднимает голову, и лицо озаряет улыбка.

— Келли, привет.

Мягкая, нежная линия губ. Сколько раз эта улыбка освещала мои утренние часы? Когда мы здоровались в коридоре за десять минут до начала занятий. Когда обсуждали задания по огненной стихии, помогали друг другу и строили планы по учебе. Когда я приносила ему конспекты и напоминала о неожиданных перестановках по воле наших профессоров — а он

в ответ нес мою сумку. Когда мы вместе обедали, шутили и болтали обо всем подряд.

Моя лучшая подруга считает, что рядом с Алом я глупею, — но мне все равно. В Первой Академии огромная беда с приятной молодежью обоих полов. Учиться в элитном заведении, полном отпрысков знатных семей, девчонке без благородной крови — прямо скажем, весело. Но Альнар не такой, как большинство местных задавал. Добрый. Чуткий. Я не раз думала, что, не встретить я его в первые дни обучения, жизнь здесь была бы гораздо печальнее.

Чего скрывать, я по уши влюблена в него последние два года. А может, и дольше.

Только сейчас его улыбка слегка рассеянная, и он стреляет странным взглядом в группку девчонок, когда мы идем смотреть расписание вместе.

Рядом со стендом собралось много народу: парни и девицы со всех курсов, хотя девиц больше. Группу, которую заметил Альнар, я знаю. Аквамариновый факультет. Глория Санди, холеная брюнетка с идеальной фигурой, хищно смеется над какой-то шуткой. Отпущенной ее подругами в адрес другой студентки — даже если бы я не слышала обрывки разговора, могла бы догадаться. Замечаю привычно ярко накрашенные губы Глории, темный маникюр и недобрые глаза. Последние тоже следят за Альнаром.

Чего она от него хочет? Глория, прямо скажем, неприятная штучка. Истинная аристократка с бледной кожей, безупречная внешне и жестокая. А еще она принадлежит к компашке, одна мысль о которой вызывает головную боль.

Я отвлекаюсь, старательно изучаю расписание, когда рядом раздается новый голос:

— О, смотри, и список парников вывесили! — возбужденно шепчет одна второкурсница другой.

Парный факультет — это своеобразная гордость академии. Особый курс, который формируют из стихийников разных мастей. Особенность в том, что берут туда только состоявшиеся пары: студентов и студенток, связавших себя узами в храме Стихий.

Нас всех, стихийников, обучают чему-то полезному для общества. Кто-то после выпуска пойдет ковать волшебные металлы в истинном огне, другие — перегонять тучи, чтобы те поливали поля и не размывали лишней раз дороги. Управлять волнами и движением судов, разбивать сады и питать землю — все это важно, но многие из нас хотят стать защитниками. Следить за порядком в городе, отпу-гивать разных лесных духов и диких монстров — вот поистине интересная работа.

У меня мощный дар огня, и я хочу попасть в ряды магической стражи не меньше разных испорченных аристократов. Но лучшие защитники все же получают из пар.

Два стихийника, работающих вместе, связанных клятвой и особой силой, — это настоящее золото Валлоры. Попасть на Парный факультет невероятно престижно. Но и требует жертв: ведь это выбор на всю жизнь. Через три месяца обучения парники подтверждают свою связь, она становится больше похожа на помолвку, а после — и на узы брака, который считается крепче обычного. Разбегаются такие пары крайне редко, даже если охлаждаются друг к другу.

По крайней мере, если дело дошло до свадьбы.

В начале обучения подобный выбор казался мне глупостью. Я фыркала, когда остальные первокурс-

ницы с горящими глазами обсуждали список парников. Потом узнала о привилегиях — и немного переосмыслила взгляды. Потом влюбилась в Альнара. Но даже если я позволяла себе мысли о лучшем факультете, старалась ими не увлекаться. Ал туда не собирался, а ни с кем другим из академии я не представляю себя рядом.

Тем не менее фыркать я перестала и сейчас тоже изучаю недлинный список.

— Всего двадцать фамилий, — оцениваю быстро, ухмыляясь Альнару. — Смотри, Нейл и Талия здесь. И...

А потом мой взгляд застывает, губы застывают и вся я застываю.

Хочется потереть глаза, потому что зрение меня явно подводит.

Я смотрю на два имени рядом: Альнар Тео. И Глория Санди.

В этот же момент, как по мановению злого иллюзиониста, Глория отлипает от своих подруг и идет к нам. Миг — и ее руки обвивают локоть Альнара. Темные волосы блестящей волной укрывают его плечо.

— Успел соскучиться? — скалится она.

Мой идеал, парень моей мечты снова улыбается. Только теперь неловко — редкость, он почти никогда так не выглядит. Я поворачиваюсь к нему всем телом и чувствую эту неловкость, сумасшедшую и странную глупость, повисшую между нами в воздухе. Широкие плечи Альнара напряжены. Карие глаза блестят.

— Келли, я не успел сказать, — произносит он. — Мы с Глорией теперь пара.

Глория сужает глаза — и в темноте под ее ресницами блестит откровенное торжество. Они рядом, и Ал в ответ на ее притязания слегка приобнимает ее за талию. Смотрит на нас обеих, хотя мне кажется, что больше все-таки на меня.

— Вы двое? То есть... — мой голос слегка дрожит, и я удивлена, как не срывается. Реакция тоже для меня ненормальная. Обычно, если Глория рядом, я в полной боевой готовности, потому что за четыре года мы успели и обменяться сотней оскорблений, и даже подраться. Но сейчас все совсем иначе.

Меня словно макнули головой в прорубь. Даже огонь в крови молчит.

— Мы не хотели никому говорить заранее, но прошли ритуал неделю назад, — продолжает Альнар, отводя взгляд. — Поздравишь нас?

Я просто стою, и в голове оформляется мысль: я многое повидала в этом месте. Но такой дурой, кажется, себя еще не чувствовала.

Не помню, поздравила ли я их или просто кивнула. Помню, что быстро ушла куда-то и не понимала, куда меня несут ноги, что происходит, что делать. В груди все рушилось, мысли разлетелись — и вот теперь я здесь, в баре, пытаюсь привести себя в чувства дозой самого крепкого пойла, которое подают в вечерние часы.

Альнар и Глория Санди.

Не могу понять, как это произошло. Месяц назад, когда мы уходили на летние каникулы, между ними ничего не было. Или казалось, что ничего нет? Глория позволяла себе максимум легкий флирт, который у нее с большинством парней с четвертого и пятого курсов. Мне казалось, она вообще неравнодушна к другому.

Я думала, что Альнар ее терпеть не может, что он совершенно точно был серьезен, когда рассуждал, что выбор на всю жизнь в нашем возрасте — слишком глупый риск.

Но что я знала о глупости?

В общем, сегодня особый день.

Мрачно смотрю в кружку, где продолжает возмущенно шипеть зелень, жмурюсь и делаю первый глоток. Горло обдирает, будто я отпила жидкого огня и закусила морским ежом, меня всю передергивает.

Поможет ли?

Через секунду понимаю, что нет: отодвигаю кружку и просто закрываю лицо руками, давя приступы боли, ревности и постепенно накатывающей гадкой тоски.

Я точно не буду плакать. Я не из тех, кто льет слезы по парням, да и жалеть себя давно отвыкла. Говорят, что я слишком вспыльчивая и меня лучше не злить лишний раз. Но я же два года любила его! Два года мы улыбались друг другу, занимались вместе, гуляли вместе, и я лелеяла мечту, что, если Альнар не выведет знаки внимания на новый уровень, в этом году я хотя бы сама ему во всем признаюсь.

Но оказалось, что мое признание ему не нужно.

Я чувствую себя преданной. Чувствую, будто меня ударили в живот и вывернули наизнанку.

Готова послать все к огненным бесам и опустошить кружку в два глотка, когда слышу голос над ухом:

— Ноющая Лудар? Вот уж зрелище, которого я всегда ждал.

Дергаюсь как укушенная.

Когда тебе плохо — ты зачастую никого не хочешь видеть. Ни посторонних зевак, ни подруг, ни

даже родных, которые будут утешать и делиться мудростью вроде «все это пройдет».

Но есть такие люди, которых в плохие моменты не хочешь видеть *особенно*.

Один из таких людей ровно сейчас отодвигает стул и вальяжно плюхается на место передо мной.

Нет, я не знаю, может, плюхается — плохое слово. То, с каким высокомерно-ленивым видом Иден Рейм умудряется делать самые заурядные вещи, всегда меня поражало. Я смотрю на высокого брюнета так, словно еще надеюсь, что он исчезнет.

Мой сокурсник с Аквамаринового факультета. Мой ночной кошмар. Мой враг.

У него прямые волосы, которые почти падают на глаза, надменная улыбка и островатые, чуть длиннее обычного клыки, которые выдают в нем принадлежность к высокому роду, берущему корни, как говорят, от одного из древних воздушных демонов. Наглые голубые глаза с черным ободком косятся на жижу в моей кружке, и губы изгибаются.

— Серьезно? Ты собираешься это пить?

Я могла бы многое рассказать о наших взаимоотношениях с Реймом. Я могла бы начать с того, что в Первой Академии действительно много стервозных девиц и испорченных сынков влиятельных лордов. Они мнят себя пупами мира, привыкли к безнаказанности и очень плохо относятся ко всем, кто, по их мнению, попал сюда случайно.

К таким, как я.

Справедливости ради, если в мире и есть вещь, которой я стыжусь, — то это точно не семья. Моя бабушка — потрясающе добрая и достойная женщина. Мама с отцом были талантливыми огненными стихийниками, нежной и красивой парой, если верить

воспоминаниям и магическим слепкам. Они блистали на службе, многого добились. Но когда мне было десять, их жизни унес взрыв в лаборатории. Трагедия. Кошмарная случайность. Сам король Валлоры выразил соболезнования моей оставшейся семье и предложил нам с младшей сестрой места в элитной академии, когда подрастем.

Так я и оказалась там, где не должна была. Наивная девчонка Келли Лудар, после смерти родителей потерявшаяся в этом мире, уж точно не знала, чего ждать от роскошного здания и столь же красивых людей внутри. Увы, мне быстро объяснили: даже слово короля мало значит для золотых детей, для которых я — безродная выскочка. А уж мои успехи в обычной школе для них вовсе пустой звук.

На место мне стали указывать в первые же дни. Парни и девицы, которые ценят только богатство и статус, — мне приходилось по крупицам выгрызать уважение и отвоевывать право хотя бы жить относительно спокойно среди них.

И во всей этой войне придурок передо мной занимал особое место.

— Не твое дело, Рейм, — огрызаюсь я.

— Дай угадаю. — Враг подается вперед, и от того, как он мной заинтересован, у меня сжимаются руки. Что он тут забыл? — Узнала, что Тео тебя отшил, и оплакиваешь свое бедное во всех смыслах сердечко.

Болезненный удар.

То, что он догадывается о моих чувствах к Альнару, — увы, не новость. Иногда мне кажется, что он знает слишком много обо всех вокруг. И обо мне особенно.

Рейм не дает мне житья уже четыре года, с самого дня нашей первой встречи. Я тогда спешила на занятия и случайно задела его сумкой. Ну как задела? В руках у меня был проект по водным урокам для первого курса — прозрачная сфера с фиолетовой водой Извечного моря, которую я с трудом добыла, чем и очень гордилась. Я была слишком поглощена тем, чтобы донести ее до профессора Экстера невинной, и не оценила размеры группы парней, которые встали прямо посреди коридора.

Я просто задела его сумкой — с этого все началось.

Я тогда покачнулась и, конечно, пробормотала извинения. Но вместо того, чтобы все понять и уступить дорогу, меня схватили за плечо.

— Глаза раскрыть забыла? — Высокий черноволосый парень окатил меня холодным взглядом. — Куда торопишься, неумеца?

Я тогда всего месяц проучилась в академии, но уже слышала о нем. Даже среди знати он был своего рода знаменитостью. По нему вздыхали девчонки, перед ним заискивали другие парни.

— Прости, — нахмурилась я. — Но я же с проектом.

Его яркие голубые глаза немного сузились. Кто-то за моей спиной усмехнулся:

— А может, это способ познакомиться?

— Тогда очень идиотский, — скривился нахал передо мной. — Во-первых, ты с Гранатового факультета, на котором учатся одни тронутые огневики. Во-вторых, растрепанные волосы и чернила на пальцах не в моем вкусе. Как и простушки.

Я почувствовала, как краска заливает лицо. А потом его дружки засмеялись, и кто-то меня толкнул.

Я почти уверена, что толкнул. Я почти уверена, что это их вина. Удар получился обидным и внезапным, и я потеряла концентрацию. Помню, что пошатнулась, сосредоточенная магия в руках дрогнула, и в следующие секунды все содержимое водной сферы оказалось на мне и придурке передо мной — на нас с Реймом.

Помню, как фиолетовая вода стекала по его удивленному лицу, капала с острого подбородка, насквозь пропитала светлую рубашку и пиджак с серебристой отделкой, который стоил наверняка больше моей полугодовой стипендии.

Помню, что думала о цене пиджака и стипендии особенно долго.

— Я слышал, что огневики криворукие, — выдохнул он почти пораженно. — Но не думал, что настолько. Тебе конец.

Я, кажется, пыталась оправдаться — потому что еще была зелена и верила в добро людей, даже испорченных богатеньких сынков. Что могу сказать? Это прошло.

С тех пор у нас с Реймом не заладилось.

Он требовал с меня компенсацию — и раз материальную мне не потянуть, предложил моральную. Предложил — о Стихии! — чтобы я прошла по коридору общежития, завернутая в один флаг Аквамаринового факультета, распевая оды компании придурков, которые меня унизили.

Очень жалею, что тогда не залепила ему пощечину. Но я была наивной, глупой, я была совсем другой — и просто отказалась.

После этого он, его дружки и подружки всю неделю подкарауливали меня после уроков. Обливали водой и хохотали, когда я прижимала к груди намок-